

Яо Шаоцин то сжимал, то разжимал пальцы на чайной чашке, от напряжения кончики побелели. Его взгляд упал на шкаф, прислоненный к стене.

— Завтра я осмотрю жилые дома. Постарайтесь скрыть информацию об эпидемии, чтобы не вызвать панику.

— Княгиня, это неуместно.

Обычно Лю Цун уже беспокоился, когда Яо Шаоцин просто выходил из резиденции, боясь, что тот, будучи на сносях, случайно ушибется или поранится. А тут еще и предложение осмотреть беженцев, которые, вполне возможно, заражены эпидемией.

Аромат чая разливался по комнате. Яо Шаоцин поднял голову и залпом выпил остывший чай, подавив подступившую к горлу тошноту, и прикрыл рот рукой, сдерживая позыв к рвоте.

— Княгиня...

— Решение принято. Вы можете идти, мне нужно отдохнуть.

Лю Цун хотел что-то добавить, но Яо Шаоцин махнул рукой, с выражением усталости на лице, выпроваживая их из комнаты.

Сяо Ицзэ в конце концов вернулся в гостиницу. Когда он открыл дверь своей комнаты, Яо Шаоцин только что заснул, весь мокрый, будто его только что вытащили из воды.

Сяо Ицзэ тихо подошел к кровати. Яо Шаоцин сильно похудел, и под одеялом его тело почти исчезало.

Он не видел Яо Шаоцин уже несколько дней. С тех пор как тот забеременел, у Сяо Ицзэ почти не было возможности приблизиться к нему.

Яо Шаоцин обычно спал на боку, слегка свернувшись, положив руки на грудь — поза, полная отсутствия чувства безопасности.

Тонкое одеяло облегалo его тело, подчеркивая округлость живота, словно все тело превратилось в этот живот.

Сяо Ицзэ протянул руку, чтобы прикоснуться к ребенку в утробе. Яо Шаоцин спал чутко и, почувствовав чье-то присутствие в комнате, открыл глаза и увидел, что Сяо Ицзэ наклонился, протянув руку к его животу.

Он резко сел, отодвинувшись на кровати, и, прижав одеяло к груди, с подозрением посмотрел на Сяо Ицзэ.

— Что ты задумал?

Сяо Ицзэ был уязвлен его взглядом, полным недоверия. Он убрал руку, застывшую в воздухе, и сжал кулак так сильно, что ногти чуть не впились в ладонь.

— Я... просто хотел проведать тебя.

Яо Шаоцин явно не поверил, обхватив живот руками в защитной позе.

— Князь обещал не причинять вреда моему ребенку. Неужели князь забыл свои собственные

слова?

Он слегка сгорбился, боль в животе, вызванная резким движением, пульсировала все сильнее. Его лицо побледнело, на висках выступил пот.

Сяо Ицзэ замер на месте, не решаясь приблизиться к Яо Шаоцин. Он опустил взгляд на него, вспоминая события, произошедшие в резиденции, и его лицо внезапно побледнело.

Когда Яо Шаоцин только узнал о своей беременности, была ранняя весна. Ребенок стал неожиданностью, никто не мог представить, что между ними может быть кровная связь.

Сяо Ицзэ едва начал испытывать к Яо Шаоцин нежные чувства, как врачи сообщили, что тот не сможет выносить ребенка.

Их брак был вынужденным. Силы Пограничного округа становились все сильнее, и император Юду вместе с императрицей, чтобы сдержать их развитие, выдали младшего сына правителя округа — наследника Яо Шаоцин — замуж за князя Дуань.

Но Яо Шаоцин годами принимал яды, и токсины в его теле накапливались, взаимно подавляя друг друга, что и спасало его от смерти. Однако, если бы он забеременел, возможны были только два исхода:

Либо во время родов все токсины перейдут к ребенку, спасая мать, но ее тело будет серьезно повреждено.

Либо токсины перейдут к плоду, и ребенок умрет до третьего месяца, но мать останется невредимой.

Сяо Ицзэ только начал осознавать свои чувства к Яо Шаоцин, как столкнулся с труднейшим выбором.

Он без колебаний принял решение за Яо Шаоцин. Он взял у врачей лекарство для прерывания беременности, но, прежде чем успел дать его Яо Шаоцин, тот, с детства изучавший медицину, почувствовал что-то неладное и смахнул чашку с лекарством на пол.

Яо Шаоцин считал, что за год, прожитый с Сяо Ицзэ, он строго следовал всем установленным им, пусть и несправедливым, правилам. Но он никогда не думал, что Сяо Ицзэ не захочет этого ребенка.

Он даже не стал слушать объяснений Сяо Ицзэ, с трудом поднявшись с кровати, без слов опустился перед ним на колени.

Он бился головой об пол, кожа на лбу быстро порвалась, кровь стекала по лицу, смешиваясь со слезами.

— Князь, князь! Я больше ничего не прошу, умоляю, позволь мне родить этого ребенка. Умоляю, я больше ничего не хочу.

Яо Шаоцин рыдал, словно не чувствуя боли, продолжая биться головой об пол. Сяо Ицзэ, стоявший рядом, то сжимал, то разжимал руку, а затем, резко развернувшись, вышел из спальни.

С того дня Яо Шаоцин стал отказываться от всего, что приносил Сяо Ицзэ.

Сяо Ицзэ задумался, глядя на выступающие кости запястья Яо Шаоцин. Его запястье было настолько тонким, что казалось, одно неловкое движение — и оно сломается.

— Я просто хотел проведать тебя. Лю Цун сказал, что ты в последние дни ничего не ешь. Я позвал военного врача, чтобы он осмотрел тебя...

— Благодарю князя за заботу, но я не заслуживаю этого. На улице холодно и сыро, князю лучше вернуться в свою комнату и отдохнуть. Завтра предстоит много дел.

Прежний Яо Шаоцин, который всегда подчинялся Сяо Ицзэ, вдруг стал таким холодным, что это задело его до глубины души. Он сжал кулаки, на висках выступили вены, и он инстинктивно поднял руку, чтобы ударить его. Но, увидев бледное лицо Яо Шаоцин, весь гнев исчез, превратившись в глубокий вздох.

— Ладно, я ухожу. Ты... отдохни.

Сяо Ицзэ, будучи князем Дуань, почувствовал себя униженным из-за холодного приема Яо Шаоцин и, развернувшись, покинул комнату.

Скрип двери и постепенно затихающие шаги.

Яо Шаоцин вздохнул с облегчением, теряя все силы. Боль в животе распространялась вверх, проникая в самое сердце.

Несмотря на то, что Фан Цзюнь уже контролировал беженцев в жилищах, на следующий день множество жителей Яньчэна с высокой температурой и кашлем обратились в больницы и аптеки. Обычные лекарства от простуды не помогали, и за три дня в городе воцарилась паника.

Янь Чэн укрыл Сун Цзиньшу одеялом. О ситуации с эпидемией Лю Цун сообщил им на следующий день, и Янь Чэн с Сун Цзиньшу провели последние дни в своей комнате, не выходя на улицу.

Но с прошлой ночи у Сун Цзиньшу началась высокая температура, и он бормотал одни и те же слова.

Янь Чэн не мог усидеть на месте, ухаживая за ним. Врачи из больницы не могли прийти, и он, отчаявшись, похудел за несколько дней, глаза покраснели от усталости.

Сун Цзиньшу взял Янь Чэна за руку, усадив его на край кровати.

Ему было больно говорить, горло пекло. Попытавшись что-то сказать и поняв, что не может издать звука, он нежно погладил большим пальцем кожу между большим и указательным пальцем руки Янь Чэна.

Он хотел сказать, что с ним все в порядке.

Янь Чэн не мог сидеть спокойно, ему хотелось выбежать из гостиницы и силой привести врача. В итоге Лю Цун привел Яо Шаоцин, чтобы тот осмотрел Сун Цзиньшу.

Через несколько дней Яо Шаоцин стал еще хуже, темные круги под глазами подчеркивали бледность кожи.

Яо Шаоцин вырос в Пограничном округе и десять лет изучал медицину у своего учителя. Он сел на край кровати, положив тонкие длинные пальцы на запястье Сун Цзиньшу, и через

мгновение его лицо изменилось.

У Сун Цзиньшу была только высокая температура, на теле не было сыпи, что отличало его симптомы от симптомов беженцев.

Янь Чэн надеялся, что это всего лишь акклиматизация, но слова Яо Шаоцин заставили его сердце сжаться.

— Цзиньшу беременен.

Сун Цзиньшу всегда хотел ребенка, но не ожидал, что это случится в такой момент. Янь Чэн был еще более удивлен, ведь здоровье Сун Цзиньшу всегда было слабым, и он боялся, что беременность приведет к тем же проблемам, что и в прошлой жизни.

Услышав новость, оба замерли.

Заметив их молчание, Яо Шаоцин уловил что-то необычное и, подняв взгляд, спросил:

— Вы не хотите этого ребенка?

— Хотим!

Они ответили почти одновременно.

Как Сун Цзиньшу мог не хотеть этого ребенка? Последние кошмары почти стали его навязчивой идеей, и он отчаянно хотел избавиться от них.

<http://bllate.org/book/16689/1531925>